

Записки ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества
по Отдѣленію Этнографіи.
Т. XXVII.

СМОЛЕНСКІЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ.

—❖—
СОСТАВИЛЪ

В. К. Добровольскій.

ЧАСТЬ IV.

—❖—
МОСКВА.
Типографія А. В. Васильева, Москва, Петровка, д. Обидиной.
1903.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ редакціи	IX—X
Отъ составителя	XI—XVI
I. Игрища	1— 12
1. Зайдиш (1).—2. Старцы (2).—3. Марьяшка (2).—4. Бычка пастивить. Аннушка-пряля-самотока (3).—5. Старикъ, Кривой Цуцела (4).—6. Гусары (4).—7. Жораў (5)—8. Бавали (5).—9. Бахаря женють (5).—10. Мельница (6).—11. Пчолки (6).—12. Кабакъ (6).—13. Блины (6).—14. Гуси (6).—15. Рыбаловы (6).—16. Лось (7).—17. Воръ (8).—18. Вирятёна (8).—19. Смерть (8).—20. Казя (8).—21—23. Мядвѣдь (9—10).—24. Вапёръ (10).—25. Кабыла (11).—26. Лялички (11).—27. Кстины (12).	
II. Болядныя пѣсни	12— 68
III. Васильевъ вечеръ. (Гаданья, примѣты)	69— 73
IV. Масляница	73— 79
V. Возка навоза	80
VI. Первый періодъ весны:	
а) Звукоподражанія въ народной поэзіи	80— 95
б) Веснянки	95— 97
VII. Благовѣщеніе. (Замыканіе весны)	98—100
VIII. Второй періодъ весны. (Продолженіе веснянокъ)	101—149

V. ВОЗКА НАВОЗА.

(Красненскій уѣздъ).

Навозъ часто вывозится толокой. Послѣдній возъ навоза называется «подскребышъ», а возница «телепою»; надъ «телепой» всѣ смѣются и отпускаютъ по адресу его шуточки циничнаго характера. Обязанность телёпы—украсть кашу во время объѣда, который варится для этой цѣли особо на каждой толокѣ.

Къ общему удовольствію присутствующихъ *телепа* или *зателепа* открадываетъ кашу, а толпа ребятишекъ обыкновенно устремляется ловить вора. Послѣдній стремится попасть на тотъ хлѣвъ, гдѣ копали навозъ. Тамъ при общемъ смѣхѣ вся толпа наперерывъ расхватываетъ кашу, а горшокъ разбиваютъ.

VI. ВЕСНЯНКИ.

Весеннее оживленіе природы сказывается прежде всего на животномъ царствѣ, особенно въ мірѣ пѣвцовъ весны—птицъ.

Появленіе животныхъ въ извѣстное время года имѣетъ для крестьянина знаменательное значеніе; онъ по-своему толкуетъ голоса ихъ и обращается къ нимъ съ пѣснями, особенными поэтическими присловьями. Самыя клички и названія животныхъ часто представляютъ собою имена звукоподражательныя и стоятъ въ связи съ звуками, издаваемыми животными ¹⁾.

При наступленіи весны появляются перелетныя птицы (вырїи), преимущественно пѣвчія, которыя обращаютъ на себя вниманіе своимъ гармоническимъ пѣньемъ; да и тѣ птицы, которыя остаются у насъ на зиму, «вырїютъ», смѣлѣютъ, начинаютъ пѣть весенними голосами, исполненными любви и поэзіи (овсянка, синица ²⁾). И весной, и лѣтомъ, передъ молодымъ и тепломъ, одна и та же птица измѣняетъ свой голосъ (зябликъ, канюкъ).

Въ февралѣ мѣсяцѣ *синица* начинаетъ пѣть протяжно, жалуется на безкормицу:

1 а) Въ пунѣ свѣтитца, въ пунѣ свѣтитца.

¹⁾ См. мою статью о звукоподражаніяхъ въ „Этнографич. Обзорѣніи“, XXII, 81—96. *Авт.*

²⁾ О словѣ *вырїй* (*ирей*) см. замѣч. *Потебни* въ Рус. Фил. Вѣстн. 1881, № 3, стр. 143. *Ред.*

Въ яркую солнечную погоду *овсянки* садятся на макушкахъ деревьевъ—слогъ и березокъ; желтенькіе, золотистые самчики, вторя жалобѣ синицы, что «въ пунѣ свѣтится», поютъ:

1 а).

А ты, мужикъ, сѣна носи, да ни труси!

Или: Пуня свѣтитца, пуня свѣтитца:

Няси, мужикъ, сѣна, да ни труси! (Данково, Смол. у.)

Въ мартѣ, когда настанетъ дружная весна, когда начнутся сильныя угрѣвы, какъ въ три молота стучить синица: *Куй, кузнецъ, дмляши!* А то синица бранитъ мужика-неряху за неумѣлое обращеніе съ кормомъ: *Тылялой, тылялой!*

Въ томъ же мѣсяцѣ блѣловато-сѣрая *плисица* (*Motacilla alba*) споритъ съ *вороной*. Плисица горячится, подпрыгиваетъ, то поднимаетъ, то опускаетъ хвостикъ, и тоненько тилигаетъ: *Тысяча, тысяча!* А ворона въ отвѣтъ ей, хриповато, во все горло оретъ по весеннему: *Нптз, капейка... капейка!*

Милліоны *жаворонокъ* въ мартѣ мѣсяцѣ поднимаются въ голубую высь съ кочекъ, съ полей и проталинокъ и медленно, медленно, распластавъ крылья, съ томнымъ и страстнымъ урчаньемъ садятся на землю. По народному представленію, летитъ жаворонокъ кверху гордо и небрежно; но, пораженный величіемъ Господа, въ глубокомъ благоговѣніи падаетъ внизъ.

Пѣсни жаворонка толкуются такимъ образомъ:

2 а).

(Даньково, Смол.)

2 б).

Повышеніе:

Повышеніе:

Палячу на нѣбу, на нѣбу,
Слвачу Бога за бѣрыду, бѣрыду...

Палячу Бога
Кѣимъ бить,
Кѣимъ бить.

Пониженіе:

Пониженіе:

А Бохъ мне
Кѣимъ,
Кѣимъ...

Кѣй ураниу,
Кѣй ураниу...

Тры, тры, тры!..

Тры, тры, тры!..

(Звукъ ударовъ Божія кія по жаворонку).

За пѣсней жаворонка мало обращаетъ на себя вниманіе сливающееся въ общемъ хорѣ съ пѣсней *овсянки* и *синицы*, а позже съ пѣсней *пѣночки* и *горихвостки*, пѣнье *зяблика*, впрочемъ, довольно гармоничное и очень пріятное. Зато чириканье *зяблика* («свибочка») народъ считаетъ знаменательнымъ предвѣстникомъ непогоды:—«свибочка свертитъ къ ненастью, къ холоду: *Крю, крю!*»...

Смол. Этногр. Сборн. IV.

6

Вятютины, самый крупный голубь из наших диких голубей, давно уже прилетѣлъ, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ начинаетъ уже ворковать на гнѣздѣ подлѣ своей супруги, охать, стонать плаксивымъ обидчивымъ протяжнымъ басомъ.

Лучше всего подражаютъ голосу вятютня дѣти, сложивъ трубочкой свои губки, какъ бы для свиста, при чемъ протяжно, на низкихъ нотахъ, поютъ глухимъ голосомъ, выговаривая слѣдующія слова:

3.

На дуби сижу, вятютины!
Дѣука идетъ,
Вѣдра несетъ...
На дуби сижу, вятютины!

Горминка по-бѣлорусски называется «турлышкомъ»; она «турлычить»: *тур... тур...*:

По утрамъ и вечерамъ на зелень вылетаетъ черный *тетеревъ*, *косачъ*; онъ болмочетъ страстно, торопливо, захлебываясь, стараясь залпомъ выразить накопившіяся чувства. Нѣмое болмотанье тетерева по временамъ прерывается, — отъ того ли что тетеревъ испугается или захочетъ летѣть навстрѣчу тетергѣ, нѣмо кудахчущей и издающей мычанье, — отъ того ли, что просто тетеревъ устанетъ и захочетъ отдохнуть. Тетеревъ болмочетъ:

4 а).

Прадамъ шубу, прадамъ шубу, — куплю балахонъ.
Осенью тотъ — же тетеревъ болмочетъ:
Прадамъ балахонъ, прадамъ балахонъ, — куплю шубу.

4 б).

Прадамъ шубу, прадамъ шубу, — куплю кахтанъ.
Осенью, наоборотъ:
Прадамъ кахтанъ, прадамъ кахтанъ, — куплю шубу.

5.

Повышеніе: Пайду, пайду въ бани парица.
(Слѣдуетъ пауза).

Пониженіе: Баюсь, баюсь — дѣўки будутъ сварица.

Весною появляется множество болотныхъ птицъ.

Высоко «блеетъ» *барашекъ* (*бекасъ*): *бээ... бээ!* Какъ сердце, усиленно бьющееся, когда человѣкъ прислушивается къ его тону,

вторить бекасу бекасиха, сидя внизу на кочечкѣ: *Тыкс-тыкс!... тыкс-тыкс!*

Чибисъ, или *пилюца*, жалобно кричитъ подлѣ излюбленнаго для гнѣзда мѣста и заботливо окригиваетъ проходящихъ: *Чи оы? Чи оы?* За это чибисъ у воровъ и пользуется репутациею безпкойной и недоброжелательной птицы. А то чибисъ презрительно и вастѣшливо бранится: *ошивикъ, ошивикъ!*

Бухало (водяной быкъ, или *оыль*) громко и какъ-то глухо реветъ въ болотѣ; непроходимое то мѣсто и опасная топь, гдѣ онъ реветъ.

Въ оставшихся отъ весеннихъ разливовъ лужинкахъ озеръ и рѣкъ, въ водѣ, еще неокончательно спавшей и согрѣтой солнцемъ, раздается лягушечій гамъ. *Лягушки* то ругаются неприлично между собою, какъ торговки — «сверутца»: *Уракс! уракс! Стерва! стерва!* Или: *Войтъ, войтъ!*

«Лягушка вхохчетъ, свой недугъ тѣшить» (поговорка Смоленской губернии). То лягушки брешутъ по-собачьему, то поютъ уныло и меланхолично.

Жерлянка (*Bombinator igneus*) поетъ, другая ей вторить:

6.

Кумъ... Кума...
Гдѣ онъ?.. Гдѣ ана?..
Памёръ... Памёръ...
Памерла... Памерла...

Давай плакать (bis)
Па комъ?... Па комъ?
Па ёмъ... Па ёмъ...
Па ей... Па ей...

Общій хоръ жерлянокъ: Ну... ну... ну... ну! ну!

Меланхолическій крикъ лягушки сливается по вечерамъ съ крикомъ *медвѣдковъ*.

Народъ эксплуатируетъ и лягушку, и медвѣдка. Бабы идутъ на крикъ лягушекъ, собираютъ лягушечью икру и моются ею: она избавляетъ отъ веснушекъ, которыя рябятъ лицо; лягушечью икру прикладываютъ и къ опухлямъ: будто это помогаетъ отъ рожи. Мужики прислушиваются къ крику медвѣдка.

— «Слышь: *тпр!*... *тпр!*»... — «Слышь, пяеть!... во пяеть!... лагъ пяеть, — засипѣу, ажно зямелька ли (возлѣ) норки кверху узыманца»... Тихонько подходятъ къ норкѣ, откуда выходить крикъ, разрываютъ неглубокую норку, сжимаютъ «накасомое» (васѣкомое) мозолистыми перстами—и рогатия медвѣжьи лапы не спасаютъ бѣдняжку. «Медвѣдка, спинка котораго почернѣй, давай коню темной масти; рыжаго — рыжимъ конямъ, а половинькаго — половинькиимъ: кони здоровы будутъ—и силу почувуютъ». Медвѣдковъ слушать и даютъ съ овсомъ и сѣномъ конямъ. «Медвѣдки закричали—сѣй пышаницу!»—примѣчаютъ крестьяне. Равнымъ образомъ и лягушка играетъ большую роль въ народномъ календарѣ. «Лягушки

кричать—пора расаду сѣять». «Лягушки раскричались—дождь будетъ! Утромъ было безоблачно, а къ вечеру дождь пошелъ. «Ти ни малъца эта наши нойды (иногда, на тотъ случай) падшутили—лягашку за билл!»... Дождя нѣтъ, и лягушки не кричатъ—дождя не предвидится. Чтобы дождь пошелъ, бьютъ лягушекъ и ловятъ блохъ. Прыгающихъ животныхъ и насекомыхъ нижутъ на нитку и вывѣшиваютъ на кустикѣ, приговаривая: «какъ эти блохи или лягушки повисли чтобы тучи повисли».

Въ сумерки, чуть солнце скроется за горизонтомъ, на опушке болотистаго лѣса пролетаетъ *вальдиненъ* (лѣсной куликъ, или слуха). Летитъ онъ быстро и плавно, крича какъ-то таинственно, хриповато, и въ то-же время припискиваетъ: *Ваасъха, Ваасъ...* *Васъка* (хриповато съ нажимомъ). *Луусъ-ти* (пискливо). Или: *крыгъ, крыгъ... пытикъ!*

Ласточка въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ Россіи появляется около половины апрѣля. Ко дню Св. Егорія (23 апрѣля) ласточки непременно уже появляются. Мужики уже приготовились къ запашкѣ полей, вывезли и растрясали навозъ, исправили сохи, лошадей подкормили; жарятъ «яешню», выѣзжаютъ въ поле. Веселое щебетанье только-что прилетѣвшей ласточки привлекаетъ невольно вниманіе пахаря. Низко припадая къ землѣ и ловя комаровъ, «ласточка» жалуется выѣхавшимъ орать мужикамъ на оставшихся дома бабъ:

7.

Мужики ў поля, мужики ў поля (скороговоркою),
А бабы яешню пречъ (жарить).

Или:

Мужики ў поля, мужики ў поля, а бабы за яешню...

Настоящая весна начинается, по мнѣнію крестьянъ, съ прилета *журавлей*. Хорошая, дружная весна бываетъ тогда, когда журавли прилетаютъ огромными стаями, точно кто ихъ изъ мѣшка вытряхнулъ. Дѣти дружнымъ хоромъ привѣтствуютъ прилетъ журавлей.

8.

Закрутились жиравы, жиравы,
Калясомъ, калясомъ,
Ваши дѣти за лясомъ, за лясомъ,
На мяжи, на мяжи,
Парѣзались на нажи, на нажи...

На Святой недѣлѣ, во время прилета журавлей, дѣвки играютъ въ «журавля». Берутся «гужемъ» за руки, становятся въ одну линію. «Матка» стоитъ впереди всей компаніи.

9.

Матка. Жараў, жараў, што ты д'лаашць?

Журавль. Ямычки напаю.

Матка. На што тебѣ ямычки?

Журавль. Камушки собіраць.

Матка. На што тебѣ камушки?

Журавль. Тваімъ д'тямъ зубы и губы выбиваць.

Матка. За што? Пра што?

Журавль. Яны маю капусту па'ли.

Матка. Аччаго-жъ ты з'гаро́ду ни загарадзіць?

Журавль. Я гарадзіць, гарадзіць, зял'вэнью ступую закатіць—
яны и то п'рыл'злі.

Матка. Ну, ўрэшць жа ты! Мая была маленькая з'гарода—и то
яны п'рыл'злі, а твая была большая, якъ яны п'рыл'злі? (Рукою
паказывае вышину загороды).

Журавль. Ну, ўсё-таки я твоіхъ д'тей па'мъ: *курлу!* — *мяса
гачу... курлын... курлын... курлын!* (Крычыць по-журавліному).

«Журавль» пачынае ловіць д'тей и прытаць іхъ. «Матка» до-
прашывае «журавля», куда онъ д'тей д'ль.

Матка. Ід' ты (того-то) пад'ль?

Журавль. У капусті з'л'ць... Іщо таво мала.

Матка. А кабъ табе разарвала!..

Перекравшы д'тей, журавль уходить, а вс' д'ти гоняцца за
нимъ. Журавль взыбаецца на дрэво. Журавля находятъ, стаскнва-
юць долой, пальцамі долбаць по макушк'мъ: не крадь д'тей! Потомъ
д'ти кляюць матку, зач'мъ она не сохранила іхъ отъ журавля.

Народная прым'фта: «окружи журавлей ситкавымъ поісымъ, па-
сыць ў крухъ солью: ўсіхъ жиравоў либа падовишь, либа п'рестри-
ляшь». Прозвище журавля въ сказкахъ — «Курлынскій».

Пашець мужыкъ, а конь его, ізнуренный зимней безкормицей,
шохэ тащитъ плугъ, по временахъ пріостанавліваецца, «сылаў'ў
штант'», а журавль, пролетая надъ пахаремъ, крытуецць его
работу.

10.

Мужыкъ скривіў, мужыкъ скривіў.

(Переходъ отъ высокаго тона къ бол'е низкому).

Въ апр'л' много п'вчыхъ птицъ, много птицъ соловьиной по-
роды. П'сня овсянкі, зябліка, жаворонка см'шываецца съ п'сней
халатаго л'снаго жаворонка и п'ночки.

Необыкновенно пріятная вечерняя п'сня малаго с'раго п'вчаго
дрозда и насвистыванье чорнаго пачынаецца отъ заката сонца и
продолжаецца до поздняго вечера. П'вчій дроздъ поецць:

11.

Свинина, пшена... досыть саламина...

По мѣнѣю мужика, дроздь, распѣвая свои пѣсни каждую весну, не одинаково размѣщается на елочкахъ: если годъ будетъ хорошій, дроздь садится на самыхъ низкихъ сучкахъ; если цѣны на хлѣбъ будутъ среднія, дроздь садится на срединѣ дерева; если цѣны на хлѣбъ будутъ высокія, дроздь садится на макушкѣ елока, — «хлѣбъ ѹ двинацать рублѣю куль ѹскочить—и самъ запяешь ты, и самъ заскуголишь ты жалостна, якъ дроздь той».

Рысь и пѣвчій дроздь будто друзья-пріатели *медвѣдя*. Рысь навѣщаетъ медвѣдя во время его зимней спячки, чтобъ узнать, живъ ли, здоровъ Мишенька, а буде онъ мертвъ, такъ скушать и помянуть его. А пѣвчій дроздь звуками: *цыцъ, цыцъ!* или *чуръ, чуръ!* предупреждаетъ Мишеньку обь опасности. Послѣ предостереженія дрозда, медвѣдь, и безъ того крайне чуткій и безъ того крайне осторожный, еще тише ступаетъ.

Пѣсня дрозда ступевывается передъ пѣсней *соловья*, отчего дроздь называется «сылавнымъ паробкомъ», т.-е. батракомъ.

Соловей поетъ:

12 а).

Мужикъ... мужикъ (сборо)	Крутиў, крутиў...
Си-даръ, Си-даръ (протяжно)	Палиў, палиў...
Са-ла, са-ла (протяжно)	Тягѣтъ, тягѣтъ...
Пѣкъ, пѣкъ (перемѣна голоса, грубѣе),	Ъшь, ѣшь (перемѣна голоса).
	Гарячо, горячо...

12 б).

Пѣкъ сала,	Вяртѣў, вяртѣў...
Пѣкъ, пѣкъ...	Яно тягѣтъ, тягѣтъ,
Крутиў, крутиў...	Яно—ажно горячо...

12 в).

Цыганъ... цыганъ...	Вяртѣў, вяртѣў, вяртѣў...
Сада... сала...	Тяў, тяў, тяў...
Пѣкъ, пѣкъ, пѣкъ...	Глыть!
Крутиў, крутиў, крутиў...	

Соловей пропѣлъ—вытрясайте рубашки: блохъ не будетъ.

Садовая горихвостка (*Erithacus phoenicurus*) хвастливо выкрикиваетъ по утреннимъ и вечернимъ зорямъ:

13.

Я ў Пятири была, я ў Пятири была...
Пятирь видѣла, Пятирь видѣла...

Коноплянка (*Acanthis cannabina*), сидя на изгороди, таинственно сообщает новость: *Поросла свинка!*

Смородинка (*Silvia hortensis*), появляясь въ концѣ апрѣля, даетъ указаніе, что надо сѣять пшеницу: *Сѣйте пшеницу!* Сидя на макушкѣ дерева, смородинка спрашиваетъ нѣжнымъ голоскомъ: *Семъ, ти видиў?* (*бизэвэю*).

Въ селеніи Витовкѣ Черниговской губерніи крестьяне ходятъ въ валяныхъ шляпахъ своей работы. А въ Почепѣ есть Долгій мостъ на рѣкѣ Опороти; около этого моста водятся птички сѣренкія (смородинки); онѣ произносятъ:

14.

Ти ты изъ Витыўки?

— «А на што тебѣ?»

— Да я, да я, что ты ў брыли.

Кукушка появляется въ половинѣ мая. Кукушка—птица загадочная, мнѳологическая. Относительно ея происхожденія и происхожденія ея пѣнія и крика существуетъ множество разсказовъ. Оригинальность птицы и ея привычекъ—вотъ, по нашему мнѣнію, главная причина возникновенія различныхъ преданій о кукушкѣ.

Кукушка—птица насѣдомоядная, но она по наружности и по своему полету имѣетъ нѣкоторое сходство съ ястребомъ. Ласточки, при видѣ ея, приходятъ въ большой испугъ и гоняются съ крикомъ за нею, какъ за ястребомъ. Народъ думаетъ, что кукушка—оборотень, что одна и та же птица, по своему желанію, дѣлается ястребомъ и кукушкою. Въ поговоркѣ кукушка и ястребъ встрѣчаются вмѣстѣ: «Промѣнялъ кукушку на ястреба!»

Кукушка не вьетъ своего гнѣзда и кладетъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ, особенно любитъ она награждать ими ласточекъ и пшеницъ.

Перелетая съ дерева на дерево въ то время, какъ прочія птицы сидятъ на яйцахъ, кукушка, точно бездомная скиталица, кого-то докликивается, по-человѣчески выговаривая слова:

15.

Куку... куку!

Якубъ... Якубъ!

Мартинъ... Мартинъ!

Купили... купили...

Каптуръ... каптуръ!

По мнѣнію народа, кукушка кукуеть, сколько кому лѣтъ жить.
Бъ кукушкѣ обращаются съ вопросомъ:

16.

Кукушка сѣра,
Загадуй смѣла:

Сколько лѣтъ жить,
Када памяреть?

Чтобы кукушка подолѣе посидѣла на деревѣ, надо, говорятъ, подкравшись къ дереву, перевязать его поясомъ. Когда кукушка въ первый разъ прокукуеть, хорошо имѣть въ карманѣ деньги, хорошо быть въ веселомъ расположеніи духа, — цѣлый годъ будешь испытывать довольство, веселіе.

Неурожай бываетъ, когда кукушка закукуеть на голый лѣсъ, не нарядившійся листьями. Когда кукушка и послѣ Петрова дня продолжаетъ куковать, плохой годъ будетъ, — и самъ закукуешь, какъ кукушка.

Кукушка поетъ нѣжно и трогательно, иногда точно смѣется сквозъ слезы. Пѣсня кукушки бываетъ различная. Во-первыхъ, кукушка кукуеть отрывисто: *куку... куку... каптур... каптур...*

Во-вторыхъ, кукушка кукуеть плавно, точно повѣствуя о чемъ-то:

17.

Я-губъ (или Мак-симъ), вяр-нисъ:
Клю-чи знай-шлись!

Въ-третьихъ, кукушка, переключаясь съ другой кукушкой, начинаетъ куковать съ поспѣшностью, страстностью, передъ тѣмъ какъ она собирается совѣмъ летѣть на зовъ другой кукушки или искусно кукующего мальчика; слоги «ку-ку», произносимые учащенно, сливаются въ сплошной звукъ, который кажется не то плачемъ, не то рыданіемъ, не то смѣхомъ сквозъ слезы: *Каптур, каптур... кап...* (последняго слога второпяхъ кукушка не договариваетъ). — *Кха, кха, кха!* (кукушка смѣется или рыдаетъ).

Въ Карачевскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, когда кукушка въ первый разъ закукуеть, мальчики братаются между собою, цѣлуются и мѣняются крестами — «крестятъ кукушку».

Во время исполненія духовскихъ пѣсенъ и обрядовъ, крестьянскія дѣвушки Дмитровскаго уѣзда Орловской губерніи мѣняются серьгами, крестами и образами, цѣлуются чрезъ вѣнокъ, сплетенный изъ березокъ, воспѣваютъ «кукушку» и сами въ пѣснѣхъ перекликаются, какъ кукушки:

18.

Авле! кукушка ряба!..
Авле! да каму жъ ты кума?..

Какъ въ крестьянскихъ, такъ и въ цыганскихъ причитаніяхъ Смоленской губерніи, кукушка является оборотнемъ. Покойникъ принимаетъ образъ кукушки и слетаетъ съ неба на землю побесѣдовать со своими родными. Лицо, испытывающее горе, чтобъ подѣлиться печалью съ близкимъ его сердцу человѣкомъ, становится кукушкою и, прилетѣвъ къ родному, выкуковываетъ ему всю свою кручину. Въ причитаніяхъ австрійскихъ цыганъ родные покойника обращаются къ кукушкѣ съ слѣдующей просьбой: «Кукушка съ обросившимися ножками, носи покойника на спинѣ своей къ дверямъ рая!»

Легенды о происхожденіи кукушки и ея крика см. въ Смоленскомъ Этнографическомъ Сборникѣ. Часть I, №№ 39—41.

Сивогракъ (сивка-воронка) кричитъ: *трава, трава!* Онъ же издаетъ, по мнѣнію народа, звукъ довольства: *хав, хав*; въ сущности же «хырганьемъ» и хрипѣньемъ сивогракъ выражаетъ испугъ и подозрѣніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рязанской губерніи сивогракъ называется звукоподражательнымъ именемъ «ракша» и употребляется въ пищу. Сивогракъ—добрый вѣщунъ: какъ скажетъ онъ «трава, трава!»—скотинка отвалится отъ рѣзи (соломы)—пойдетъ трава настоящая.

Сарычъ, или *канюкъ*, по-бѣлорусски *канюхъ*, какъ и сивогракъ, большой любитель лѣсныхъ опушекъ, отъемниковъ и луговъ, на которыхъ растутъ высокія деревья. Канюкъ передъ дождемъ кричитъ: *пить, пить! чаю, чаю!* «Канюкой» въ Смоленскомъ уѣздѣ называется неотступный и надоѣдливый проситель, попрошайка. «Канючить»—просить чего неотступно, «душу вынимать» просьбами.

Иволга появляется въ нашей мѣстности во время полного расцвѣта природы. Иволга или пріятно насвистываетъ, или «скваретца», кричитъ дико и неблагозвучно, за что она и получила въ приволжскихъ губерніяхъ названіе «дикой кошки». Свистъ иволги слышится простому человѣку словами: *Ти видишъ, видишъ?* Тотъ же свистъ мужикъ понимаетъ иногда и передаетъ, какъ непристойную брань.

Удодъ—птица довольно популярная среди крестьянъ. Народныя примѣты: «якъ запыетъ удодъ, сѣи бобы!» «Удодъ пьетъ къ дождю». Деревенскіе мальчишки примѣчаютъ: поддержи въ рукахъ удода, эту красивую, но съ дурнымъ запахомъ птичку—конь тебѣ не дастся въ руки.

Баба франтоватая платокъ на лобъ надвинула: «Ишь», говорятъ «наохлилась — словно удождь хохолъ свой развѣсиль». Авдоткамъ (А-Удодками) называются бабы, которыя къ Вознесенью, въ самыхъ лучшихъ нарядахъ, стекаются въ Смоленскъ на богомолье. Гдѣ удождь кричитъ, тамъ дѣшій, нечистая сила пребываетъ; тамъ слѣзаться нехорошо и небезопасно. Крикъ удода—дурное знаменіе для переселенцевъ. Удождь кричитъ такъ:

19.

Худо тутъ! худо тутъ!

Сова кричитъ: *Кулін, Кулін, Кулін!* Или смѣется какъ-то страшно: *Хо-хо-хо!* Или кричитъ, какъ ребенокъ: *Кулі, кулі!* Или точно въ ладоши хлопаетъ (сова стучитъ ночью крыльями, выпугивая сонныхъ птицъ изъ кустовъ). Сова, по всей вѣроятности, играла большую роль въ созданіи легенды о лѣсовомъ, вкнутомъ гоняющемъ зайцевъ и лисицъ,—о поляхъ, плещущей съ горя руками. Крикъ совы предвѣщаетъ незаконное рожденіе: «вдова или дѣвушка родить». Такое же значеніе и встрѣчающейся въ подблюдной пѣснѣ: «А сидитъ сова пиридь сопухымъ».

Когда *ястребъ* гоняется за домашнею птицею, дѣти машутъ на него платкомъ и кричатъ нараспѣвъ:

20.

Ястребъ лятить, трясцу схватить... Шуугу!

Рѣчная *скопа*, хватающая рыбу, а подчасъ завѣвавшихся утятъ и цыплятъ, называется *кайсара*.

Когда ястребъ гонится за *воробьемъ*, воробей въ испугѣ, распростерши крылья, кричитъ: *царь, царь!* Спасшійся воробей кричитъ радостно: *живъ, еще живъ!* Или бранится: *жидъ, жидъ!* Когда Христа мучили, онъ-то и указалъ воинамъ на остатокъ жизни въ тѣлѣ почти усопшаго Страдальца: *Нтъ, живъ! нтъ, живъ!* Въ слѣдствіе замѣчанія воробья воинъ копьемъ пронзилъ Христа въ ребро. Но подлетѣлъ *клѣстъ* (*loxia curvirostra*) и вынулъ изъ тѣла Христа гвоздикъ,—оттого клѣсть не гниетъ и послѣ смерти не поддается глѣбнію: такъ ему ужъ Богъ даровалъ.

Красногрудый *снѣгуръ*—картежникъ; онъ все кричитъ: *хлюстъ хлюстъ!* (всѣ карты на рукахъ козыри).

Птицеловы знаютъ два вида *чижа*: чижъ березовикъ (сѣрый) и чижъ ольховикъ (зеленоватый). Чижъ поетъ:

21.

Чижижъ, чижижъ, сала, сала...
Крутиў, крутиў...

(Начальная скрипучія ноты пѣсни чижа).

Ти-ись!

(Пискливо, конечная самая характерная нота).

Сойка допрашиваетъ: *Какъ? какъ?* Сойка называется *карёзой*.
Барёза—прозвище капризнаго человѣка, пласиваго и непокойнаго
ребенка. «Ахъ, карёза ты, карёза!»

Ворона кричитъ:

22 а).

Урода, урода! Капейка, капейка! Украли, украли!

Зимомъ ворона жалуется, сидя на навозномъ ковьяшѣ:

22 б).

Балачъ, балачъ!.. Ни укалушишь, ни укалушишь!..

Маленькія дѣти играютъ въ «ворону» такимъ образомъ: берутъ
щипками другъ друга за ручки, потомъ разомъ встряхиваютъ ручки
и кричатъ:

23.

Барр... карр... ворона...
Шуги!.. Шуги!
Хто дастъ—тэй князь.
Хто ни дастъ—тэй грязь.

(Бьютъ другъ друга по рукамъ).

Воронъ кричитъ: *кроў, кроў!* Или: *крыоі крыоі* (крови, крови)!

Воронъ рѣки проводитъ. Въ крестьянскомъ разсказѣ двѣ рѣки
спорятъ за первенство. Одна изъ рѣкъ, обманутая крикомъ ворона,
не добѣжавъ до моря, впала въ сосѣднюю рѣку и сдѣлалась прито-
комъ соперника. (Споръ Сожа и Двѣпра). Когда воронъ съ крикомъ
летитъ черезъ владбище, предвѣщаетъ чью-либо скорую смерть.

Кавка—звукоподражательное названіе *галки*; ворона каркаетъ, а
галка «кавкаетъ»: *каў, каў!*

Черепелъ кричитъ:

24.

Досыть, бабы, шить,—надо полоть!..
Подь палоть!.. Шить, палоть!.. Ва... ва!

По народнымъ примѣтамъ, не каждый годъ въ пѣснѣ перепела преобладаетъ звукъ: «Подь палоть... Шить, палоть». Иногда перепелъ больше, «вавакаетъ»,—тогда горе бабамъ: лень бываетъ плохой.

Коростель, дергачъ, по-смоленски «вряхтель», кричить:

25.

Дергъ—дергъ!.. крихъ—крихъ!..
Драть—драть!.. здѣсь—здѣсь!..
Тпруська!.. тпруська!

Коростель—птица болотная, а отчасти и полевая: по уборкѣ луговъ онъ перелетаетъ на поля и дѣлается ближайшимъ сосѣдомъ перепела. Не мудрено, что въ одномъ малороссійскомъ разсказѣ Черниговской губерніи перепелъ и коростель сошлись вмѣстѣ; въ компанію къ нимъ попалъ и журавль,—какъ видно, дѣло было осенью. Хохла ловили съ уворованною имъ вещью; хохоль спрятался въ рожь. Находившійся невдалекѣ перепелъ, по мнѣнію хохла, ему покровительствовалъ, давая благой совѣтъ спрятаться: *Сховайся... сховайся!.. Притулись!.. Притулись!*.. А проклятый дергачъ, тотъ прямо указывалъ сыщикамъ вора: *Здѣсь, здѣсь! драть, драть!* По указанію дергача, и поймали хохла; на тотъ случай налетаетъ журавль и оретъ: *Крути хохла!* Дергачъ же продолжаетъ свою пѣсню: *драть, драть!* Хохоль не на шутку обидѣлся на коростеля и журавля, а къ перепелу почувствовалъ сердечную признательность: «Бадай вамъ, дергачъ и журавль, здохнути, а перепелицы бодай здаровица!»..

Бстати скажемъ тутъ-же и о другихъ птицахъ, хотя и не перелетныхъ, а такъ же о нѣкоторыхъ животныхъ, поскольку дѣло касается звукоподражаній.

Курица кудахчетъ:

26.

Куд-кудакъ, куд-кудакъ!
Снесла яйцо съ кулакъ!

Пѣтушинный разговоръ:

27.

Били, били... Кого, кого?.. Тебя, тебя...

Окончательно побѣжденный въ бою пѣтухъ кричитъ: *караулъ!*
караулъ! При этомъ вся пѣтушина фигура выражаетъ испугъ.

Пѣтухъ вуръ зоветъ, найдя зерно:

28.

Ухъ, ухъ! Сюда, сюда!
Нашошь, нашошь!

Мальчики любятъ дразнить *индѣйскихъ пѣтуховъ* (индюковъ).
Показывая что-нибудь красное, они кричатъ:

29.

Индѣйкъ-шуддыкъ, спусти кишку, дамъ денежку!

— Здравія желаю!— отвѣчаетъ раздраженно индюкъ.

Индѣйка во время боя кричитъ вызывающимъ голосомъ: *Өёдырычъ, Өёдырычъ!* Подвигается она къ противнику бокомъ, выставивъ щитомъ крыло свое и спрятавъ подъ него свою голову. Когда индѣйки и индюки, сплотившись въ стадо, идутъ дружной стѣной на противника, пѣтуха или павлина, съ цѣлью подраться съ нимъ, народъ слыется: «Во жиды идутъ кагальымъ,—якѣй гвалтъ злодѣи справили!.. «Индѣйча-шуддычка»— прозвище сварливой и задорной бабы.

Когда мужикъ гонитъ съ овса *гусей* хворостиной, гуси одинъ на другого жалуются, другъ-друга допрашиваютъ:

30.

Га-га, га-га, кто ўвѣу? кто ўвѣу? ты ўвѣу, ты ўвѣу!..
Утиный разговоръ:

31.

Пойдемъ, пойдемъ! Болото, болото.
Мокро, мокро... Снаска... плиска...
Кря, кря!..

Быкъ, идя на бой съ другимъ быкомъ, нетерпѣливо и гнѣвно роетъ ногою землю и, пуская изо рта слюну, реветъ: *и-му! и-му!* (одолю, одолѣю!). Побѣжденный быкъ реветъ жалобно, *ня-б-буду!* А побѣдитель реветъ грозно, агрессивность и въ голосѣ его и въ походкѣ: *Буудемъ, буудемъ!*

Теленокъ жалобно мычитъ *мя-не, мя-не!*

Овечка, побывавшая въ потравѣ, снова пробирается въ злачное мѣсто и блеетъ: *была, была!* Прочія овцы отвѣчаютъ заблудшей: *бу-удемъ, бу-удемъ!*

Коза кричитъ: *шеламэх!* или *мекэке!* У еврея Шеламэха была козочка; ее поймалъ волкъ и сталъ душить. Казалось еврею, что передъ смертью козочка звала его по имени: Шеламэхъ, Шеламэхъ. Видитъ еврей, что ему не спасти своей козочки, постоялъ на порогѣ. Потомъ въ хату вернулся. Жена спрашиваетъ:—Спасъ ты козочку?—*Нѣтъ*.—Чтожь ты дѣлалъ?—*Да я глядѣлъ, какая она разумная: всё меня кличетъ: Шеламэхъ, Шеламэхъ!*

Когда льетъ дождь, *свиньи* съ трудомъ остаются на одномъ мѣстѣ и бранятся съ пастухомъ, жалуясь на горькое положеніе. Плохо тутъ приходится пастуху, «хоть разорвись». Большія свиньи:

32.

Пусть-ти, сибирнигъ! Сибирь тутъ! каторга, каторга!

Среднія свиньи:

Каторжнигъ, пусти!

Подсвинки тоже гровятъ пастуху, собираются на него жалобу подать начальству: *губирнатырь, губирнатырь!*

Когда погода хорошая и не собирается портиться, то свиньи въ отличнѣйшемъ расположеніи духа и противъ пастуха ничего не имѣютъ, а напротивъ того, относятся къ нему дружелюбно, всё равно, валяются ли онѣ въ мягкой грязи, или слѣдуютъ впереди стада: *О фитъ, о фитъ! о друзъ, о друзъ!*

Заяузъ, пойманный собаками, плаксиво и жалобно кричитъ: *князь, князь!*

Котъ, пожирая сало или мясо, кричитъ: *мало, мало!*

Не только въ животномъ, но и въ растительномъ царствѣ весна своимъ волшебнымъ маніемъ производитъ коренныя перемѣны, приводя въ жизнь застывшую было природу. Неописуемая гармонія звуковъ отъ шума молодой ливы производятъ впечатлѣніе существа живого, ликующаго.

Такъ, относительно звука, производимаго *листьями деревьевъ* при сильномъ вѣтрѣ, существуетъ слѣдующее выраженіе: «Листья лапѣчуть» (лепечуть); осина бьетъ листьями, — «какъ въ ладошки хлопаеть». *Перепиръ, трипятиння*—это береста, колеблемая вѣтромъ и трепещущая, верхніе бѣлые лепестки на березовой корѣ, легко поддающіеся вліянію вѣтра и производящіе извѣстный звукъ. (Сравн. славянское *поропоръ*: надымался поропоръ, яко водный говоръ. «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», А. Потебни, 134, 136 стр.). Въ народномъ заговорѣ употребляется такое выраженіе: «какъ перепиръ сей трясется, чтобъ врагъ мой трѣсса.»

Характерно слѣдующее выраженіе относительно быстрого роста растений: «Во даў Господь припарь—паслаў Бохъ солнца и дождичи: траўка такъ и дареть съ зямли, ажно пищить.»

По животнымъ и растеніямъ крестьянинъ-бѣлоруссъ дѣлаетъ заключенія и выводы метеорологическіе. А вотъ еще средство узнать хорошую и дурную погоду лѣтомъ: послѣ дождя дѣти идутъ въ такое мѣсто, гдѣ раздается звучное эхо, и громко кричать:

33.

Гнилая калода, гнилая калода, Када будить—отгукни-ись,
Ты будить заўтри пагода? А ня будить—заклини-ись!

Если отголосокъ нѣмой, непогодъ продолжится; звучное эхо предвѣщаетъ вѣдро.

Пробрызнувъ дождикъ, дорога смочилась и сдѣлалась грязною, съ трудомъ конь везетъ *телгу*, и громко скрипятъ неподмазанные гатки:

34.

Патерли, памяли... патерли, памяли...

Прогремѣлъ первый *громъ*. «Умывайте себѣ лицо, чтобы грома не бояться,» говорятъ бабы дѣтямъ. Испугавшись грома, земляной орѣхъ ушелъ глубоко въ землю. Слишкомъ слабы звуковыя средства человѣка, чтобы выразить звукоподражаніемъ громъ. Однако поэтическая мысль пытается истолковать значеніе громовыхъ раскатовъ. Богъ спорить съ сатаной, Богъ или Георгій Побѣдоносецъ поражаетъ сатану, Илья на колесницѣ ѣдетъ, Господь гнѣвается, — вотъ почему грѣшно смѣяться во время грозы, а надо благочестиво знаменать себя крестнымъ знаменіемъ.

Какъ растаетъ снѣгъ, покажутся сухія проталинки на улицѣ, пробьется первая травка, молодежь начинаетъ веселиться на улицѣ. Тутъ-то и наступаетъ пора пѣнія дѣвушками *веснянокъ*.

35.

(С. Даньково, Смоленскаго уѣзда.)

Недостатокъ корма: сѣна и соломы.

— Ой, весна красна, теплыя лѣтечка!—

Ой, весна красна, што ты вынісла?—

— «Ой, я вынісла семъ карабоў жита,

Ой, я вынісла, да павытрисла.»---